

должно принимать в нем возможно меньшее участие и, в той мере, в какой это от него зависит, привлекать к этой деятельности силы частных лиц и семей».

Дискуссия 1760–1770-х гг. затронула самые разные аспекты содержания «новой» благотворительности: здесь мы коснулись лишь одной проблемы – сочетания «свободы» и «благотворительности», а также основ организации помощи неизлечимо больным людям, более других нуждающихся в общественной поддержке и помощи. Идеи М.Э.Ричмонд, «боготворимой» ныне в учебниках по теории социальной работы, без сомнения важны и актуальны, однако все же при изучении основ социальной работы не стоит забывать о тех сдвигах в европейском общественном сознании, которые наблюдаются на протяжении полутора веков (второй половины XVIII в. и всего XIX столетия). Ведь, на наш взгляд, зарождение самой теории социальной работы во многом обязано тому противоречию, которое изначально было заложено в «карцерную» систему благотворительности.

М.В. Попов (Екатеринбург)

Государственная политика, пьянство и алкоголизм в уральской деревне в 1930-е гг.

Борьба с пьянством и алкоголизмом, в том числе в деревне, является одним из аспектов социальной политики государства. В советский период российской истории эта политика претерпевала значительные изменения, зачастую диаметрально трансформируясь в ходе различных исторических этапов, в том числе и в первые десятилетия советской власти. Особенности антиалкогольной политики большевистского руководства в 1920-е гг. нашли свое отражение в многочисленной литературе, периодике того периода, в материалах статистических исследований и т.д. Это послужило источником для научных публикаций российских историков, посвященных данной проблеме. При этом специально выделяется

такой аспект, как борьба против пьянства и алкоголизма в деревне, в крестьянской среде¹.

Однако в 1930-е гг. в связи со сменой политических установок большевистского руководства, связанных с форсированной индустриализацией и перекачкой средств населения на нужды индустрии посредством государственной продажи водки, опубликованные источники по данной проблеме практически исчезают. Малодоступными для историков становятся и материалы архивной статистики. Поэтому исторические исследования по этой теме о периоде 1930-х гг. отсутствуют. По этой причине особое значение приобретает изучение архивных и других источников регионального уровня, в том числе источников о борьбе против пьянства и алкоголизма в деревне в 1930-е гг. на Урале.

Расширение государственного производства и продажи вино-водочных изделий в 1930-е гг. привело к изменениям в антиалкогольной политике. Прежде всего, необходимо отметить ослабление антиалкогольной пропаганды. В колхозной деревне борьба против пьянства приобретает новый аспект – теперь она связана с борьбой за дисциплину труда в колхозах, совхозах и МТС. Партийные, советские и хозяйственные органы не столько ведут борьбу против пьянства, сколько усиливают административные меры против прогулов и недисциплинированности среди работников общественных хозяйств, возникающих на почве пьянства. Так, в начале 1934 г. Свердловский обком ВКП(б) снял со своих постов руководителей Фокинского райисполкома и земельного управления за либеральное отношение к пьяницам и прогульщикам в колхозах².

В условиях командно-административной системы партийно-советские органы, осуществляя контроль за жизнью крестьян, стремились не допускать главным образом коллективных форм пьянства, мешающих производственной деятельности. Например, в докладной записке в Свердловский обком ВКП(б) в 1938 г. сообщалось как о совершенно недопустимом явлении, имевшем место в Камышловском районе, когда широкое распространение среди колхозников получили групповые выпивки «по-помощи»: крестьяне распивали спиртные напитки после того, как помогали друг другу в уборке картофеля, строительстве конюшен и т.д.³

Борьба с коллективными пьянками, с нарушениями трудовой дисциплины несомненно уменьшало пьянство среди крестьян.

В то же время в 1930-е гг. в антиалкогольной пропаганде исчезает медицинский и культурно-бытовой аспект в объяснении причин пьянства. Более того, официальные документы и печать того времени стали утверждать мысль о допустимости «культурного употребления» спиртных напитков. Так, когда в 1936-1937 гг. началась кампания открытия колхозно-совхозных чайных в райцентрах, в этих учреждениях общественного питания широко практиковалась торговля вином, пивом, а порой и водкой.

Партийно-советское руководство дифференцированно относилось к употреблению спиртных напитков в праздничные дни в зависимости от политического подтекста. Случаи пьянства в религиозные праздники подвергались безусловному осуждению в печати и устной пропаганде и с ними «боролись» административными мерами.

Например, когда весной 1938 г. в селе Полва Кудымкорского района Коми-Пермяцкого округа колхозники отметили религиозный праздник коллективной выпивкой, туда со специальными полномочиями выехали специальные представители райисполкома «для наведения порядка»⁴. На пьянство в революционные советские праздники в подавляющей части случаев власти смотрели сквозь пальцы.

В 1930-е гг. отмечается усиление пьянства и алкоголизма среди трудящихся, в том числе среди крестьянства. Так, по выборочным сведениям о бюджетах 712-ти хозяйств колхозников Свердловской области в октябре 1933 г. колхозниками было приобретено 298 литров хлебного вина, а в декабре 1937 г. - 952 литра водки⁵. Одной из причин этого являлось ослабление антиалкогольной пропаганды. Увеличение в 1930-е гг. государственного производства и продажи водки также не способствовали искоренению алкоголизма среди населения.

¹ См. Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-е -30-е гг. // История СССР. 1989. № 1; Литвак К.Б.

Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 20-х гг. // Отечественная история. 1992. № 4 и др.

² Партработник. Орган Свердловского обкома ВКП(б). 1934. № 12. С. 62.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 157. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 305. Л. 68–69.

⁵ Подсчитано автором по данным: ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 145; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 169.

Н.С. Сажина (Екатеринбург)

К вопросу о социальной помощи детям–сиротам на Урале в 1920-е гг.

Органы социального обеспечения организовывали для детей–сирот приемники и детские дома различного типа. Детские дома и приюты устраивались чаще всего в лучших помещениях городов и сел. Создавались они для дошкольников, школьников, глухонемых, слепых и умственно отсталых детей. Особенно широко работа по борьбе с детской беспризорностью развернулась с весны 1920 г. Например, в Пермской губернии до конца 1919 г. было устроено 53 детских дома, где содержалось более 2000 детей¹, а в 1920 г. их насчитывалось уже 79². По девяти уездам Екатеринбургской губернии к концу 1920 г. имелось 160 детских домов с 5999 детьми³. В 53 детских домах, организованных в Малой Башкирии находилось около 5 тыс. детей–сирот, родители которых погибли на фронтах гражданской войны и от эпидемий⁴. Но и это количество детских домов не удовлетворяло потребности в обеспечении нуждающихся детей, поэтому в дальнейшем число этих учреждений продолжало расти.

Материальное обеспечение детских домов было на низком уровне. По мере возможности они снабжались продуктами питания, одеждой и обувью, бельем, мебелью, но удовлетворить всем необходимым было невозможно. Так, в Екатеринбургских детских домах на декабрь 1920 г. имелось лишь 30% одеял, 70% кроватей, 60% ложек, 60% кожаной и 10% валяной обуви, 10% зимнего белья,